

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ПАВЕЛ
АСТАХОВ

ПРОДЮСЕР

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Астахов, Павел Алексеевич.
А91 Продюсер / Павел Астахов. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 432 с.

ISBN 978-5-04-088814-6

Шоу-бизнес в агонии! Великий и ужасный продюсер, медиамагнат, вершитель мегапроектов, повелитель звезд и отец сенсаций Иосиф Шлиц убит на пороге собственного дома. Невнятно произнесенное перед смертью имя убийцы — единственная зацепка следствия. А тем временем конкуренты, прилипалы и авантюристы набросились на его медиаимперию, растаскивая ее на куски. Ни вдове, ни сыну на этом обильном пиру, похоже, нет места. Опытный адвокат Артем Павлов отчаянно бросается на их защиту, но понимает, что изменить ситуацию практически невозможно. Ведь империи просто так не гибнут! Защитник оказывается прав: мир шоу-бизнеса гудит как потревоженный улей, знаменитый певец Кирилл Фарфоров сбежал от следствия за границу, компаньоны вцепились в глотки друг друга — один сгорел в собственном ночном клубе «Гоголефф», другой искалечен, а «крыша» Шлица — вор в законе Бессараб — таинственно исчез. Законы бизнеса жестоки, нравы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088814-6

© Астахов П., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

«...А чтоб война не скучной была, мы с красными «товарищами» и белыми «господами» договор негласный заключили: «проституток и артистов не убивать!»

*Батька Нестор Махно.
Манифест*

Выстрел

Выстрел глухо отозвался в лестничном проеме и затих где-то в верхних этажах. Две милovidные благообразные пожилые дамы переглянулись. Одна из них с трудом привстала и прислушалась.

— Анна Герасимовна, вы слышали? — повернулась она к своей товарке.

— А что такое? — сидевшая старушка удивленно приподняла брови.

— Этот звук. Этакий «бабах», — дама взмахнула палочкой.

— Звук? Нет. Ничего не слышу.

— Давай-ка, Аннушка, мы все же посмотрим, что это там бабахнуло. — Она потянула собеседницу за рукав кофточки, и та, подчинившись, так же тяжело поднялась, и обе старушки засеменяли к подъезду.

Лифт оказался внизу, и уже через пару минут они поднялись на самый верхний, девятый этаж и стали медленно спускаться по лестничным пролетам все ниже и ниже. Наконец на площадке пятого этажа они обнаружили лежащего ничком человека. Это был мужчина крупного телосложения в джинсах и замшевой куртке. Анна Герасимовна отшатнулась, тихонько охнув, осела на ступеньки и принялась мелко и быстро креститься. Ее подружка тем временем наклонилась над телом, попыталась слегка повернуть его голову и тут же отпрянула:

— Анечка, это же Шлиц! Он еще дышит! Скорее зови на помощь. «Скорую» зови! Беги, Аня! Беги, — сама же наклонилась к нему совсем близко и пощупала пульс на шее.

От прикосновения Шлиц застонал и попытался что-то сказать. Но выходило лишь какое-то мычание:

— Фффу-уф...

— Кто это? Кто это сделал? Что с вами? — Бабулька засыпала несчастного вопросами.

Он еще раз попытался что-то сказать, но сквозь кровавые пузыри снова и снова выходило лишь «фуканье»:

— Фффы...Фффа... оффф... — Смертельно раненный Иосиф Шлиц замолчал, и его голова, поддерживаемая сочувствующей старушкой, безжизненно откинулась.

Рулетка

Так называемые элитные дома отличаются отсутствием надписей на стенах, мусора в кабинках лифта и неприятных физиологических запахов в подъезде. В остальном же, несмотря на ставшие столь популярными в последнее время видеокмеры и технические средства охраны, любой московский двор одинаково небезопасен для его обитателей. Единственной надежной и бдительной службой охраны остаются старушки, несущие свою неусыпную вахту на лавочках, скамеечках и в беседках, — они и сообщили о происшествии в милицию.

Реакция милиции была мгновенной и масштабной. Район стали патрулировать, а бригаду следователей возглавил генерал юстиции Геннадий Дмитриевич Агушин, с недавнего времени еще и исполняющий обязанности председателя следственного комитета. Да, нечасто увидишь генерала, работающего с рулеткой, но случай был особый: убили величайшего продюсера современности. Убили нагло и демонстративно — прямо у дверей квартиры, и Агушин счел своим долгом исследовать все обстоятельства жуткого преступления лично.

— Так, записывай, тело расположено в сорока... — Агушин внимательно посмотрел на зажатый пальцами хвост карманной рулетки и поднял голову: — ...восемью сантиметрах от головы до порога квартиры номер тринадцать.

ПРОДЮСЕР

— Готово, Геннадий Дмитриевич, записал, — негромко отчитался помощник.

— И теперь от правой ноги до порога лифтовой шахты... так, так. Сколько у нас здесь? — бормотал следователь и разматывал рулетку. — Ага! Один метр и шесть сантиметров. Вот. Так и пиши.

Помощник заносил данные в протокол осмотра места происшествия, сидя на ступеньках и подложив под желтый бланк свой потрепанный портфель. Криминалист все это время беспрерывно щелкал затвором фотоаппарата, ослепляя вспышками Агушина. Тот морщился, но продолжал диктовать результаты своих скорбных вычислений.

Внезапно со скрежетом открылись двери лифта, и из кабины медленно выплыла высокая стройная женщина. Умелый макияж и тотальный уход за внешностью лишал наблюдателей возможности определить ее настоящий возраст. И лишь мельчайшие морщинки вокруг глаз и губ, замеченные внимательным оперативником, выдавали возраст Виктории Медянской, отныне вдовы. Она вышла из лифта и застыла. Глаза наполнились влагой, которая в слезы так и не превратилась. Медянская молча смотрела на погибшего мужа. Следователь, криминалист и опер оглядывали ее. Немая сцена затягивалась, и Агушин кашлянул:

— Виктория Станиславовна, если не ошибаюсь?

Женщина вздрогнула и повернулась на голос, а следователь поднялся и приблизился.

— Извините, госпожа Медянская, я прошу вас открыть квартиру и, если можно, пройти внутрь.

Женщина, не поворачиваясь, кивнула и стала судорожно доставать ключи, не глядя ни на следователя, ни на распростертое тело супруга, подошла к двери и открыла ее. Группа вслед за хозяйкой прошла в квартиру. На площадке остался лишь судмедэксперт. Он перевернул тело и осмотрел пулевое отверстие на груди в районе сердца. Заглянул в глаза, подсве-

тив их фонариком, и в рот. Покряхтел, покачал головой и крикнул в открытую дверь:

— Геннадий Дмитрич, ну, чего с телом-то делать? Я закончил.

В ответ на порог выскочил только что удалившийся Агушин. Он яростно завращал глазами и зашипел на эксперта:

— Ну, ты обалдел совсем, Петрович?! Тише ты! Она же все слышит. Это ж муж ее. Чего ты разорался?

Эксперт обиженно пожал плечами:

— Вот еще нежности. Муж! А сама перешагнула и даже не глянула. Му-у-уж — объелся груш. Не дай бог такую жену... Как знаешь.

Эксперт махнул рукой и закурил сигарету, Агушин скорчил кислую мину.

— Слышь, Петрович. Если закончил, то увози. Только без шума, — он приложил указательный палец к губам, — тихонько.

Эксперт нервно передернул плечами и принялся упаковывать тело убитого продюсера в темный полиэтилен. Следовательно удовлетворенно кивнул и снова исчез за дверью, на этот раз прикрыв ее за собой. Он, как и эксперт, понял, что трагических сцен прощания ждать не стоит. Жизнь Медянской и Шлица давно уже носила формальный характер.

Квартира

Квартира Медянской — Шлица олицетворяла собою понятие «полная чаша». Изобилие выступало из всех углов: с богатого лепного потолка, с шикарных персидских ковров под ногами и даже из мягко свисающих портьер на окнах. И пока вдова стояла возле окна и нервно покусывала кончик указательного пальца, вся следственная группа непрестанно водила глазами, оглядывая богатое убранство жилища великого продюсера Шлица. Первым очнулся следователь Агушин:

— М-да. Виктория Станиславовна, вы уж извините.

ПРОДЮСЕР

— Что? — Медянская вздрогнула, оглянулась и замутненным взором обвела комнату, наполненную чужими мужчинами.

— Кто вы? Что вам угодно?

Тон, каким это было сказано, мог смутить кого угодно, однако Агушин считался бывалым следователем вполне заслуженно — и тут же нашелся:

— Мы — сотрудники прокуратуры и органов внутренних дел. Меня лично зовут Геннадий Дмитриевич Агушин, государственный советник юстиции третьего класса, следователь по особо важным делам следственного комитета при Генеральной прокуратуре.

— Да? — Виктория повела бровями и так же отрешенно уставилась на кончик его носа.

— Не сомневайтесь. Вот мое удостоверение, — «важняк» Агушин протянул раскрытые корочки.

Медянская посмотрела мимо и опустила голову, и следователь откашлялся и продолжил уже бодрее:

— Я понимаю, как вам тяжело, Виктория Станиславовна. Что ж мы, не люди?! Мы понимаем. Но и вы поймите нас. Нам надо дело раскрыть.

— Раскрыть... — как эхо отозвалась Медянская.

— Да. И желательно скорее. И так уже Президенту доложили.

— О чем? — она вновь повела бровями, но по-прежнему смотрела мимо Агушина.

Тот икнул:

— Так... об убийстве доложили. Он ведь... ваш супруг... был членом Президентского совета по культуре.

— А-а-а... — безразлично протянула Медянская и вдруг вся поникла, уронила голову на руки и беззвучно зарыдала.

Ее плечи, сгорбленная спина содрогались в такт редким всхлипам. Собравшиеся мужчины переминались с ноги на ногу, а Геннадий Дмитриевич виновато подумал, что насчет хладнокровия вдовы ошибся. В дверь протиснулся человек в белом

халате и тут же подошел к плачущей Медянской. Он молча достал из кармана упаковку таблеток, выдавил в ладонь одну и протянул вдове. Она не отреагировала. Тогда врач потянул ее за руку и наклонился ближе, пытаясь вложить таблетку ей в рот:

— Примите. Вам станет легче. Прошу вас...

Его голос был спокоен и убедителен, и Медянская приняла протянутую пилюлю и тут же тяжело сглотнула. Врач встал и повернулся к Агушину:

— Вы старший?

— Точно так, я. Следователь Агушин.

— А я старший судмедэксперт спецкримлаборатории Борис Тетерев. Я прошу пройти со мной. Мои эксперты закончили осмотр. Но есть формальности. Нам нужно оформить... перевозку, — подобрал нужное слово врач и кивнул в сторону выхода. Агушин кивнул в ответ и вышел вместе с врачом.

Тело было уже упаковано в специальный пластиковый мешок. На площадке курили два сотрудника спецмедпомощи в белых халатах, криминалист, судмедэксперт и три постовых милиционера, которые по-прежнему сдерживали зевак, любопытствующих соседей и просто прибежавших на шум людей.

— Подпишите здесь и здесь, — врач протянул бланк Агушину, и тот тут же расписался. — Так. О'кей! Увозим?

— Да, конечно. Забирайте. Когда будет готово заключение? — поинтересовался следователь. Старший врач-эксперт на мгновение задумался, поднял глаза к потолку и, что-то посчитав, ответил:

— Если честно, то не раньше, чем дней через десять.

— Да вы что?! — возмутился Агушин. Он понимал, что за такой срок его вывернут наизнанку. Начальство уже названивало без остановки по всем телефонам, требуя немедленного отчета и результатов. Он специально оставил мобильный телефон в рабочем кабинете, а другой, предназначенный для немногих, переключил на беззвучный режим.

— Меня же начальство голым в Африку пустит! Понижаете?

ПРОДЮСЕР

— Понимаю. Но и вы нас поймите. У нас полтора эксперта осталось в конторе. А криминальных жмуриков по десятку в день. Очередь, прости господи! Ваш брат торопит, и всем быстрее надо.

Врач возмущенно сплюнул в угол, и Агушин, пытаясь расположить его к себе, сменил тон и заговорил вполголоса:

— Слушай, брат, я понимаю. Но и ты пойми, какой шум поднимается! Президент уже взял на контроль.

— Да?

— Точно говорю! — Агушин выразительно поднял брови.

Врач снова сплюнул и, чуть помедлив, ответил:

— Ладно. Считай — уговорил. Позвони завтра к вечеру. Попробуем что-нибудь сделать.

Агушин обрадовался:

— Вот выручил, брат! Спасибо. Слышь, только пулю, когда извлечете, отдайте скорее баллистикам. Я подошлю человека. Договорились?

— Замазано! Получишь ты свою пулю. Давай! — Он пожал протянутую следователем руку. Тот дернулся и трижды плюнул через левое плечо:

— Тьфу-тьфу-тьфу! Ну, ты сказал! Пулю!!!

— Извини. Профдеформация. Хорош курить. Грузите!

Врач повернулся к коллегам, и скорбная процессия двинулась пешком по лестнице к выходу. Второй раз в жизни продюсер, режиссер, администратор, член Президентского совета по культуре в одном лице Иосиф Шлиц оказался в пластиковом пакете. Однако, в отличие от того давнего случая в детстве, выбраться на этот раз ему было не суждено.

Йоська

— Слабо тебе, Йоська, нырнуть?

— Че? Это те слабо!

— Ой-ой-ой! Йоська-авоська! Слабо! Слабо! Слабо-би-бо!

Чумазые мальчишки вопили что есть сил. На краю огромной ржавой емкости с водой, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась неким очистным сооружением, стоял рыжий вихрастый парень лет восьми в черных сатиновых трусах. Видно было, как дрожат его худые ноги и плечи. Он решительно взмахнул руками и крикнул:

— А вот и не слабо! Вы все слабаки! Ур-р-раа-а-а-а! — Он подпрыгнул и, взлетев метра на полтора вверх, плюхнулся в воду.

Он погрузился не глубоко, но почувствовал, как вода вокруг стала вдруг слишком плотной и липкой. Его затягивало какой-то невидимой пленкой. «Целлофан!» — промелькнуло в голове у Йоськи. Точно! Парни рассказывали, что в этих очистных баках делают специальные прокладки из целлофана, чтобы разделить очищенную воду. Сам он никогда не нырял в эти отстойники и никогда бы не прыгнул, если бы не подначка ребят. Вытерпеть насмешек он не мог и никогда их не терпел. А тонкий, но прочный коварный пластик уже сделал свое дело и облепил все его худое тело, крепко спеленав ноги. Йоська стал грести руками изо всех сил, но целлофан был закреплен где-то внизу и не выпускал его из своих полиэтиленовых объятий. Поверхность воды была совсем рядом, но шансов выбраться практически не оставалось. Он попытался кричать, но звук превращался лишь в массу воздушных пузырей, таявших над головой.

А потом наступил миг, когда Шлиц обессилел, и тогда ему стало страшно. Показалось, что короткая жизнь местечкового мальчишки прожита абсолютно напрасно. Он не успел ни окончить школу, ни стать артистом и космонавтом, как мечтали все его сверстники в Жмеринке. Он даже не успел увидеть Москву и Кремль.

«Как жаль! Какая нелепая гибель...»

В тот же миг сильные руки вцепились в его мокрые вихры и рванули Йоську вверх. Пленка поддалась. Еще рывок, и еще один. Воздух! Яркое солнце и черная от загара перепуганная физиономия Ваньки Бессараба по кличке Цыган — единст-

венного, кто не испугался и бросился на помощь тонущему дружку.

И пока остальные перепуганные пацаны с криками «Йоська Шлиц утоп!» бежали в деревню, Ванька с Иосифом, спаситель и спасенный, отжимали намокшие трусы и дрожали от пережитого. Этот случай положил начало их многолетней дружбе.

Ваня

— Ваня? — телефон трещал и булькал.

— Ну?

— Ванечка, это Вика.

— Кто? Какая...

— Вика Медянская! Ваня! Очнись!

— А-а-а. Ну и что?

— Ванечка, Иосиф... его... его убили!

Бессараб вскочил на кровати. Он перешагнул через двух спящих абсолютно нагих девиц и, как был голышом, побежал в коридор к входной двери.

— Где? Кто? — Он пытался понять, что делать, но мысли отчаянно скакали в голове. «Шлиц! Йоська! Друг! Кто? Как? Убит? Убит! Не может быть!»

Бессараб пытался достать ключи от машины и напрасно искал карман брюк, которых на нем вовсе не было. И все это время в трубке слышалось журчание голоса Виктории Медянской. Но значения ее слов Бессараб не понимал. Он понимал лишь одно: его друг детства, покровитель, благодетель и кормилец убит. С этого мгновения жизнь начнет меняться, возможно, самым необратимым образом.

Иван остановился, пытаясь сообразить, где же найти брюки и ключи, но в голове творился полный кавардак. Поверить в то, что Шлиц убит, было сложно, но Иван, видевший смерть неоднократно, бывший не раз на волосок от нее и даже, что уж греха таить, сам убивавший людей, все же не мог представить своего товарища мертвым.

МИТЯ

Генеральный директор «Олл старз корпорейшн, лимитед» Митя Фадеев занимался своей рутинной работой — считал наличные деньги, собранные к концу месяца со всех «живых» проектов Иосифа Шлица. Это было прескучнейшим занятием, от которого он всегда тяжело морально страдал. Самое же неприятное заключалось в том, что считал он ЧУЖИЕ деньги.

Аппарат в очередной раз отстрекотал сотню банкнот и пикнул: «Готово! 10 000 долларов!» Митя налил стакан минералки и, обмахиваясь какими-то контрактами, в беспорядке разбросанными по столу, сделал большой глоток. Пузырики впились в глотку, побежали в нос и с шумом вырвались наружу.

— Ууу-ф-ф-ф! — выдохнул Фадеев.

Тут же зазвонил мобильный телефон, а вслед за ним и второй, лежащий рядом на столе. Они наперебой выдавали последние хиты Шлица, который заказал их и уже выкупил у Тима Баланда для стремительно взлетающего по звездной лестнице Клима Чука, недавнего приобретения Иосифа. Дослушав до конца один куплет мелодии, Фадеев сбросил звонок с первой и взял вторую трубку:

— Алло?

— Митя? Митя! Это Виктория. Срочно приезжай!

Фадеев недовольно насупился. Ему предстояло еще сосчитать две коробки денег.

— Виктория Станиславовна, я не могу-у-у... — затыкнул он.

Но Медянская его тут же оборвала:

— Брось все и приезжай немедленно!

Митя насторожился. Таких глухих и одновременно жестких ноток в ее голосе он никогда не слышал.

— Что-то не так? Что-то случилось? А?

— Случилось. Иосифа больше нет.

— В смысле? Он уехал? Ушел, что ли, от вас?

Фадеев пытался представить объяснения словам Медян-

ПРОДЮСЕР

ской. Если неожиданно уехал, то это бывало и раньше. Увлечется какой-нибудь новой певичкой — и в загул. Если же ушел от Медянской совсем, то и это давно ожидалось. Их отношения в последний год совсем разладились. Но неприятный холодок уже начал сжимать его сердце. Истинный смысл фразы «больше нет» на подсознательном уровне постепенно сковал существо генерального директора всех основных музыкальных проектов Шлица. Предательски дрогнула рука, и вновь затрезвонил второй телефон.

— Митя. Его убили... — В голосе Медянской слышались усталость, отчаяние и боль. — Я тебя прошу приехать. И еще... — она замялась.

Фадеев напрягся и вновь сбросил звонок другого надрывавшегося телефона:

— Что?

— Привези деньги. Они понадобятся, видимо... — вымолвила с трудом Медянская.

— Да-да, конечно, Виктория Станиславовна. Я скоро буду.

— Хорошо, жду тебя, Митя.

Медянская отключилась, а Фадеев вытер испарину со лба. Свершилось то, чего боялись все, кто работал со Шлицем последние годы. Потому что именно в последние лет шесть-семь он нажил таких врагов, только от имен которых у большинства в сфере шоу-бизнеса подкашивались ноги и надолго пропадал аппетит. Митя ошалело оглядел коробки с деньгами, мигающую счетную машину и газировку, которая из последних сил выпускала пузырьки на свободу.

— И что теперь делать?

Он снова протер потеющий лоб и с силой пнул еще не разобранные коробки с наличностью. Одна из них завалилась на бок, и из нее словно водопад высыпались разноцветные деньги. Это были и доллары, и рубли, и евро, и даже английские фунты. Весь урожай от месячного «чеса» по корпоративным вечеринкам и клубам многочисленной артистической и музыкальной команды ныне покойного Иосифа Шлица. Митя Фа-